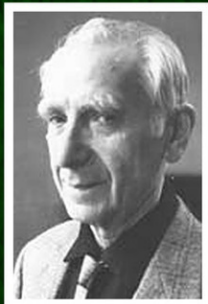

Марк Твен

Таинственный незнакомец

Перевод с английского
Абеля Старцева

ФТМ

Марк Твен

Тайнственный незнакомец

«ФТМ»

1898

Твен М.

Таинственный незнакомец / М. Твен — «ФТМ», 1898

Замыслу «Таинственного незнакомца» Марк Твен придавал совершенно особый характер; он считал, что здесь ему удалось до конца высказаться по ряду волновавших его социальных и морально-философских вопросов. По повести в 1989 году на киностудии «Ленфильм» режиссер Игорь Масленников снял художественный фильм «Филипп Траум».

© Твен М., 1898

© ФТМ, 1898

Содержание

Глава I	5
Глава II	7
Глава III	12
Глава IV	17
Глава V	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Марк Твен

Таинственный незнакомец

Глава I

Шла зима 1590 года. Австрия была оторвана от всего мира и погружена в сон. В Австрии царило средневековье, – казалось, ему не будет конца. Иные даже считали, пренебрегая счетом текущего времени, что, если судить по состоянию умственной и религиозной жизни в нашей стране, она еще не вышла из Века Веры. Это говорилось в похвалу, не в укор, так всеми и принималось и даже служило предметом тщеславия. Я отлично помню эти слова, хоть и был маленьким, и помню, что они доставляли мне удовольствие.

Да, Австрия была оторвана от всего мира и погружена в сон, а наша деревня спала крепче всех, потому что была в самом центре Австрии. Она мирно почивала в глубоком одиночестве, среди холмов и лесов. Вести из окружающего мира не достигали ее, не смущали ее грез, и она была счастлива. Прямо перед деревней протекала река, медлительные воды которой были украшены отраженными в ней облаками и тенями барж, груженных камнем. За деревней лесистые кручи вели к подножью высокого утеса. С утеса, хмурясь, глядел огромный замок, стены и башня которого были увиты диким виноградом. За рекой, милях в пяти левее деревни, тянулись густо поросшие лесом холмы, рассеченные извилистыми лощинами, куда не заглядывал луч солнца. Справа, где утес поднимался высоко над рекой, между ним и холмами, о которых я веду речь, лежала обширная равнина, усеянная крестьянскими домиками, прячущимися в тени раскидистых деревьев и фруктовых садов.

Весь этот край на многие мили кругом искони принадлежал владетельному князю. Княжеская челядь поддерживала в замке образцовый порядок, однако ни князь, ни его семейство не приезжали к нам чаще, чем раз в пять лет. Когда они приезжали, казалось, что прибыл сам господь бог в блеске своей славы. Когда же они покидали нас, воцарялась тишина, подобная глубокому сну после разгульного празднества.

Для нас, мальчишек, наш Эзельдорф был раем. Ученьем нас не обременяли. Нас учили прежде всего быть добрыми христианами, почитать деву Марию, церковь и святых мучеников. Это – главное. Знать остальное считалось необязательным и даже не очень желательным. Наука совсем ни к чему простым людям: она порождает в них недовольство своей судьбой; судьба же их уготована господом богом, а бог не любит того, кто ропщет.

У нас в деревне было два священника. Первый, отец Адольф, был ревностным и усердным священнослужителем, и все уважали его.

Возможно, встречаются священники и получше, чем наш отец Адольф, но в общине не помнили ни одного, кто внушал бы своим прихожанам такое почтение и страх. Дело было в том, что он не боялся дьявола. Я не знаю другого христианина, о котором я мог бы это сказать с такой твердой уверенностью. По этой причине все боялись отца Адольфа. Каждый из нас понимал, что простой смертный не решится себя вести так отважно и самоуверенно. Никто не похвалит дьявола, все осуждают его, но делают это без дерзости, с долей почтения. Что ж до отца Адольфа, то он честил дьявола всеми словами, какие попадались ему на язык, так что невольного слушателя охватывал трепет. Бывало, он отзывался о дьяволе насмешливо и с презрением, и тогда люди крестились и поспешали прочь, боясь, как бы с ними не приключилось чего худого.

Если уж все говорить, отец Адольф не раз встречался с дьяволом лично и вступал с ним в поединок. Отец Адольф сам об этом рассказывал, не делал из этого тайны. И он говорил правду: по крайней мере, одно из его столкновений с дьяволом подтверждалось вещественным

доказательством. В пылу разгоревшейся ссоры он бесстрашно швырнул однажды в противника бутылкой, и в том самом месте, где она разбилась, на стене его кабинета осталось багряное пятно.

Другой наш священник был отец Питер, и мы все очень любили и жалели его. Про отца Питера шел слух, будто он кому-то сказал, что бог добр и милостив и когда-нибудь сжалится над своими детьми. Подобные речи, конечно, ужасны, но ведь не было твердого доказательства, что он такое сказал. Да и непохоже это было на отца Питера, такого доброго, кроткого и нелживого человека. Правда, никто, и не утверждал, что он сказал это с кафедры прихожанам; тогда каждый из них слышал бы эти слова и мог бы их засвидетельствовать. Говорили, будто преступная мысль была высказана им в частной беседе, но подобное обвинение легко возвести ведь на каждого.

У отца Питера был враг, сильный враг. Это был астролог, который жил в старой, полуразрушенной башне, стоявшей на самом краю нашей равнины, и по ночам наблюдал звезды. Все знали, что он умел предрекать войну и голод, хоть это и было нетрудное дело, потому что война где-нибудь шла всегда, а голод был тоже нередким гостем. Но он умел, кроме того, сверяясь со своей толстой книгой, прочитать судьбу человека по звездам и разыскать покражу, – и все в деревне, кроме отца Питера, боялись его. Даже отец Адольф, не боявшийся дьявола, с приличным случаю уважением приветствовал астролога, когда тот проходил через деревню в длинной мантии, расшитой звездами, в высоком остроконечном колпаке, с толстой книгой под мышкой и с посохом, в котором, как всем нам было известно, таилась волшебная сила. Говорили, что сам епископ прислушивается к словам астролога. Хотя астролог изучал звезды и занимался по ним предсказаниями, он также любил показать свою приверженность к церкви, и это, конечно, льстило епископу.

Что до отца Питера, то он не искал расположения астролога. Отец Питер заявлял во всеулышание, что астролог – шарлатан и обманщик, что астролог не только не владеет чудодейственными познаниями, но, напротив, невежественнее многих других; и он нажил себе врага, который стал искать его гибели. Мы все были уверены, что слух об ужасных словах отца Питера шел, конечно, от астролога и что он же донес епископу. Отец Питер будто бы это сказал своей племяннице Маргет. Тщетно Маргет отрицала обвинение и умоляла епископа верить ей и не навлекать на ее старого дядю нужду и бесчестие. Епископ не пожелал ее слушать. Поскольку же против отца Питера было только одно показание, епископ не стал отлучать его вовсе от церкви, но лишил на неопределенный срок сана. Вот уже два года отец Питер не выполняет церковных обязанностей, и его прихожане все перешли к отцу Адольфу.

Нелегко дались эти годы старику священнику и Маргет. Раньше все их любили и искали их общества, но с немилостью епископа все тотчас же переменялось. Иные из прежних друзей совсем перестали видеться с ними, другие были холодны и неразговорчивы. Когда случилось несчастье, Маргет как раз исполнилось восемнадцать лет. Это была прелестная девушка и умница, какой не отыщешь во всей деревне. Она обучала игре на арфе, и заработанных денег хватало ей на платья и личные расходы. Но теперь ученицы одна за другой ушли от нее; когда в деревне устраивались вечеринки и танцы, ей забывали передать приглашение; молодые люди перестали ходить в их дом – все, кроме Вильгельма Мейдлинга, а его визиты не имели большого значения. Опозоренные и всеми покинутые, священник и его племянница загрузили, упали духом – солнце больше не светило к ним в окна. А жить становилось труднее. Одежда поизносилась, каждое утро надо было думать, на что купить хлеб. И вот наступил решительный день: Соломон Айзекс, который ссужал им деньги под залог их дома, известил отца Питера, что завтра утром тот должен либо вернуть ему долг, либо уходить прочь из дому.

Глава II

Мы трое всегда были вместе, чуть ли не с колыбели. Мы сразу полюбили друг друга, наша дружба крепла год от году. Николаус Бауман был сыном главного судьи. Отец Сеппи Вольмейера был владельцем большого трактира под вывеской «Золотой олень»; сад при трактире со старыми раскидистыми деревьями спускался к самому берегу реки, а там была пристань с прогулочными лодками. Я, третий, Теодор Фишер, был сыном церковного органиста, который также дирижировал деревенским оркестром, обучал игре на скрипке, сочинял музыку, служил сборщиком податей, выполнял обязанности причетника, – словом, был деятельным членом общины и пользовался всеобщим уважением.

Окрестные холмы и леса были знакомы нам не хуже, чем живущим в них птицам. Каждый свободный час мы проводили в лесу или же купались, удили рыбу, бегали по льду замерзшей реки или катались на санках по склону холма.

В княжеском парке редко кому разрешалось гулять, но мы проникали туда потому, что мы были в дружбе со старейшим из замковых слуг, Феликсом Брандтом, и часто вечером мы отправлялись к нему в гости, чтобы послушать его рассказы о старых временах и необычайных происшествиях, выкурить трубку – он научил нас курить – и выпить чашечку кофе. Феликс Брандт много воевал и был при осаде Вены. Когда турок разбили и погнали прочь, среди захваченных трофеев оказались мешки с кофе, и пленные турки объяснили ему, на что годятся эти кофейные зерна, и научили изготавливать из них приятный напиток. С тех пор Брандт всегда варил кофе, пил его сам и удивлял им людей несведущих. Если погода была ненастная, старик оставлял нас у себя на ночлег. Под раскаты грома и сверканье молний он вел свой рассказ о привидениях и всяческих ужасах, о битвах, убийствах и жестоких ранениях, а в его маленьком домике было так тепло и уютно.

Брандт черпал свои рассказы главным образом из собственного опыта. Он повстречал на своем веку немало привидений, ведьм и волшебников, а однажды, заблудившись в горах в страшную бурю, наблюдал в самую полночь при вспышке молний, как Дикий Охотник, яростно трубя в рог, промчался по небу, а за ним по разорванным тучам неслась его призрачная свора. Приходилось ему видеть и инкуба, и вампира, который сосет кровь у спящих, тихо обвевая их крыльями, чтобы они не пробудились от рокового забвения.

Старик учил нас, что не надо пугаться ничего сверхъестественного. Призраки, говорил он, не причиняют вреда и бродят просто потому, что они одиноки, несчастны и ищут сочувствия и утешения. Постепенно и мы освоились с этой мыслью и даже спускались вместе с ним по ночам в подземелье замка, посещаемое привидениями. Призрак появился только один раз, прошел мимо нас еле видимый, бесшумно пронесся по воздуху и исчез. Мы даже при этом не дрогнули, – так воспитал нас старик Брандт. Он рассказывал после, что этот призрак иногда приходит к нему по ночам, будит его ото сна, прикасаясь к лицу липкой холодной рукой, но не причиняет ему никакого вреда, – просто ищет сочувствия. Самое же удивительное, что Брандт видел ангелов, настоящих ангелов с неба, и беседовал с ними. Они были без крыльев, одеты в обычное платье, выглядели в точности как обыкновенные люди и так же ходили и разговаривали. Никто бы вообще не принял их за ангелов, если бы они не творили чудес, которых простой смертный, конечно, творить не может, и не исчезали вдруг неведомо куда, пока вы с ними беседовали, что тоже превышает силы смертного человека. Ангелы не были унылыми или сумрачными, подобно призракам, – напротив, были веселыми и жизнерадостными.

Однажды майским утром, после затянувшихся допоздна рассказов старого Брандта, мы поднялись с постели, сытно позавтракали вместе с ним, а потом, перейдя мост влево от замка, забрались на поросшую лесом вершину холма, наше излюбленное местечко. Там мы растянулись в тени на траве, намереваясь отдохнуть, покурить и еще раз обсудить диковинные рас-

сказы старика, произведшие на нас сильное впечатление. Но мы не могли раскурить трубку, потому что по забывчивости не захватили с собой кремня и огнива.

Немного погодя из леса показался юноша, он подошел к нам, сел рядом и заговорил с нами дружеским тоном. Мы не отвечали, – чужие люди заходили к нам редко, и мы их побаивались. Пришелец был хорош собой и нарядно одет, во всем новом. Лицо его внушало доверие, голос был приятен. Он держался непринужденно, с удивительной простотой и изяществом и был совсем непохож на застенчивых и неуклюжих молодых людей из нашей деревни. Нам хотелось завязать с ним знакомство, но мы не знали, с чего начать. Я вспомнил о трубке и подумал, что было бы славно дать покурить незнакомцу. Но тут же я вспомнил, что у нас нет огня, и мне стало обидно, что план мой нельзя выполнить. А он бросил на меня оживленный довольный взгляд и сказал:

– Нет огня? Это – пустое. Сейчас я добуду.

Я был так удивлен, что не мог ничего ответить: ведь я ни слова не произнес вслух. Он взял трубку и подул на нее. Табак затлелся, и голубой дымок спиралью поднялся кверху. Мы вскочили с места и пустились бежать: ведь то, что произошло, было сверхъестественно. Мы отбежали недалеко, и он убедительным тоном стал просить нас вернуться, дал честное слово, что не причинит нам никакого вреда, сказал, что ему хочется подружиться с нами и побыть в нашем обществе. Мы застыли на месте. Мы были вне себя от удивления и любопытства. Нам хотелось вернуться, но мы не решались. Он продолжал уговаривать нас, как и раньше, спокойно и рассудительно. Когда мы увидели, что наша трубка цела и ничего дурного не приключилось, мы успокоились, а потом, когда любопытство возобладало над страхом, двинулись осторожно назад, шаг за шагом, готовые в любую минуту вновь искать спасения в бегстве.

Он старался рассеять нашу тревогу и делал это умело. Когда с вами говорят так просто, так вдумчиво и ласково, опасения и робость уходят сами собой. Мы снова прониклись доверием к нему, завязалась беседа, и мы были счастливы, что нашли подобного друга. Когда стеснение наше совсем прошло, мы спросили, где он научился своему поразительному искусству, и он сказал, что нигде не учился, что от рождения наделен этой силой, да и другими способностями.

– А что ты еще умеешь?

– Да многое, всего не перечислишь.

– Ты покажешь нам? Пожалуйста, покажи! – закричали мы дружно.

– А вы не убежите?

– Нет, честное слово, нет! Пожалуйста, покажи. Ну, покажи!

– С удовольствием, но смотрите – не забудьте своего слова.

Мы подтвердили, что не забудем, и он подошел к луже, набрал воды в чашку, которую сделал из листика, подул на нее и, перевернув чашку вверх дном, вытряхнул из нее застывший кусок льда. Мы глядели, изумленные и очарованные, нам уже не было страшно, мы были очень довольны и попросили его показать нам еще что-нибудь. Он согласился, сказал, что угостит нас сейчас фруктами и чтобы мы назвали все, что хотим, не смущаясь тем, настала пора для этих фруктов или же нет. Мы закричали хором:

– Апельсин!

– Яблоко!

– Виноград!

– Ищите в карманах, – сказал он; и правда, каждый нашел в кармане то, чего пожелал. Фрукты были самого лучшего качества; мы съели их, и нам захотелось еще, но мы не решились сказать это вслух.

– Поищите в карманах, – снова сказал он, – и все, чего вы ни пожелаете, все там будет. Не нужно просить. Пока вы со мной, ваше дело только желать.

Так все и было. Никогда еще с нами не случилось ничего столь удивительного и заманчивого. Хлеб, пирожки, конфеты, орехи – чего ни пожелаешь, все у тебя в кармане. Сам он не ел ничего, а только беседовал с нами и развлекал нас новыми чудесами. Он слепил из глины маленькую игрушечную белочку, и она взбежала по дереву и, усевшись на суку, стала цокать по-беличьему. Тогда он слепил собаку величиной чуть побольше мыши, и та загнала белку на самый верх дерева и стала бегать вокруг с громким лаем, как самая заправская собака. Потом погнала белку дальше в лес и побежала вслед, пока обе не скрылись в чаще. Он слепил из глины птиц, пустил их на волю, и, улетаая, птицы запели.

Набравшись наконец храбрости, я спросил его, кто он такой.

– Ангел, – спокойно ответил он, выпуская еще одну птицу, хлопнул в ладоши, и птица опять улетела.

Благоговейный ужас охватил нас при этих словах; мы снова были в смятении. Но он сказал, чтобы мы не тревожились: ангелов бояться не надо, – и подтвердил, что питает к нам самые добрые чувства. Он продолжал беседовать с нами все так же естественно и непринужденно, а сам мастерил в это время фигурки мужчин и женщин с палец величиной. Кукольный народец тут же принялся за работу. Они расчистили и выровняли клочок земли на поляне в два-три квадратных ярда и стали возводить славный маленький замок. Женщины замешивали известковый раствор и носили его по строительным лесам в ведрах, держа их на голове, как это делают работницы у нас в деревне, а мужчины возводили высокие стены. Не меньше пяти-сот этих куколок сновали взад и вперед, трудились что было сил, отирали пот со лба, словно настоящие люди. Это было так притягательно – глядеть, как пятьсот крошечных человечков строят замок, камень за камнем, башню за башней, как здание растет и обретает архитектурные формы. Страх наш снова прошел, и мы от души наслаждались. Мы спросили его, можно ли и нам смастерить что-нибудь, он сказал: «Разумеется», – и велел Сеппи слепить несколько пушек для замковых стен, Николаусу – нескольких алебардчиков в шлемах и латах, а мне – кавалеристов верхом на конях. Отдавая свои приказы, он назвал нас по имени, но при том не сказал, откуда он знает, как нас зовут. Тогда Сеппи спросил, как зовут его, и он спокойно ответил:

– Сатана.

Подставив щепку, он поймал на нее маленькую женщину которая свалилась с лесов, и, поставив ее на место, сказал:

– Экая дурочка, ступает назад и не глядит, что у нее за спиной.

Имя, которое он произнес, нас поразило; пушки, алебардчики, лошади повыпадали у нас из рук и рассыпались на куски. Сатана засмеялся и спросил, что случилось.

Я сказал:

– Ничего не случилось, но это странное имя для ангела.

Он спросил, почему я так думаю.

– Как почему? Ты ведь знаешь?.. Это – его имя.

– Что же тут такого? Он мой родной дядя.

Он произнес это очень спокойным тоном, но у нас захватило дух и сердце заколотилось в груди. словно не замечая нашего волнения, он поднял алебардчика и другие игрушки, починил их и вернул нам назад со словами:

– Неужели вы не знаете? Ведь он тоже был раньше ангелом.

– Правда! – сказал Сеппи. – Я не подумал об этом.

– До падения ему было чуждо всякое зло.

– Да, – сказал Николаус, – он был безгрешным.

– Мы из знатного рода, – сказал Сатана, – благороднее семейства не отыскать. Он единственный, кто согрешил.

Трудно сейчас передать, как все это было для нас интересно. Когда вы сталкиваетесь с чем-либо столь необычайным, захватывающим, изумительным, некий трепет и вместе с тем

ликование охватывает вас с головы и до пят. Вами владеет мысль: неужели вы живы и все это видите в самом деле? Вы не в силах оторвать изумленного взгляда, губы у вас сохнут, дыхание прерывается, но вы не променяете это свое ощущение ни на что другое на свете. Мне очень хотелось спросить его кое о чем, вопрос был уже на кончике языка и удержаться мне было трудно, но я боялся, что покажусь ему слишком дерзким. Сатана отложил в сторону почти законченную фигурку быка, улыбнулся, глядя на меня, и сказал:

– Не вижу в том ничего особенно дерзкого, а если бы и увидел, то простил бы тебя. Ты хочешь знать, встречался ли я с ним? Миллионы раз. В младенчестве – мне не исполнилось тогда и тысячи лет – я был одним из двух маленьких ангелов нашего рода и нашей крови (кажется, так у вас принято выражаться), которых он особенно отличал. И так продолжалось все восемь тысяч лет (по вашему счету времени), вплоть до его падения.

– Восемь тысяч лет?

– Да.

Он повернулся теперь к Сеппи и продолжал свою речь, как бы в ответ на вопрос, который был на уме у Сеппи.

– Это верно, я выгляжу юношей. Так оно и должно быть. Наше время протяженнее вашего, и нужно немало лет, чтобы ангел стал взрослым.

Мне захотелось задать ему новый вопрос, и он повернулся ко мне и сказал:

– Если считать по-вашему, мне шестнадцать тысяч лет.

Потом он посмотрел на Николауса и сказал:

– Нет. Его падение не затронуло ни меня, ни остальных членов нашего рода. Только он, в честь кого я был назван, вкусил от запретного плода и соблазнил им мужчину и женщину. Мы же, другие, греха не ведаем и согрешить не способны. Мы беспорочны и такими останемся навсегда. Мы...

Двое крохотных рабочих повздорили. Еле слышными, как писк комара, голосками они бранились и сыпали бранью. Замелькали кулаки, полилась кровь, и вот они оба сцепились не на жизнь, а на смерть. Сатана протянул руку, сжал обоих двумя пальцами, раздавил, отбросил их в сторону, отер с пальцев кровь носовым платком и продолжал свою речь:

– Мы не творим зла и чужды всему злему, потому что не ведаем зла.

Слова Сатаны удивительным образом расходились с его поступком, но мы в тот момент не заметили этого обстоятельства, настолько нас поразило и огорчило бессмысленное убийство, которое он совершил. Это было самое доподлинное убийство, и оно не имело ни объяснения, ни оправдания, – ведь маленькие человечки не сделали ему ничего дурного. Нам было очень горько, мы полюбили его, он казался нам таким благородным, таким прекрасным и милосердным. У нас не было сомнения, что он действительно ангел. И вот он совершил эту жестокость и упал в наших глазах, а мы так гордились им.

Между тем он продолжал беседовать с нами, словно ничего не случилось, рассказывал о своих странствиях, о том, что он наблюдал в огромных мирах нашей солнечной системы и других таких же систем, разбросанных в необъятных пространствах вселенной, о жизни населяющих их бессмертных существ, и рассказы его увлекали, захватывали, завораживали нас, уводя от разыгравшейся перед нами печальной сцены. Между тем две крохотные женщины разыскали искалеченные тела своих убитых мужей и стали оплакивать их, причитая и вскрикивая. Рядом – коленопреклоненный – стоял священник, скрестив руки на груди и читая молитву. Сотни соболезнующих друзей толпились вокруг, со слезами на глазах, сняв шапки и склонив обнаженные головы. Сначала Сатана не обращал на все это никакого внимания, но потом его стал раздражать жужжащий звук молитв и рыданий. Он протянул руку, поднял тяжелую доску, служившую нам сиденьем на качелях, бросил ее на землю в том месте, где столпились маленькие люди, и раздавил их, как мух. Сделав это, он продолжал свой рассказ.

Ангел, убивающий священника! Ангел, который не ведает, что есть зло, и хладнокровно уничтожает сотни беззащитных, жалких людей, не сделавших ему ничего дурного! Мы едва не лишились чувств, когда увидели это страшное дело. Ведь ни один из этих несчастных, кроме священника, не был подготовлен к кончине; никто из них не был ни разу у мессы и даже не видел ни разу церкви. И мы трое были тому свидетелями, убийство произошло на наших глазах! Долг наш – сообщить о том, что мы видели, и дать делу законный ход.

Но он по-прежнему вел свой рассказ, и роковая музыка его голоса вновь зачаровала нас. Забыв обо всем, мы внимали его речам, и были снова исполнены любви к нему, и были снова его рабами, и он снова мог делать с нами все, что захочет. Мы были вне себя оттого, что мы вместе с ним, что мы созерцаем небесную красоту его глаз, и от малейшего прикосновения его руки счастье и блаженство разливалось по нашим жилам.

Глава III

Незнакомец побывал всюду и видел все, он все узнал и ничего не забыл. То, что другому давалось годами учения, он постигал мгновенно; трудностей для него просто не было. А когда он рассказывал, картины оживали перед глазами. Он присутствовал при сотворении мира; он видел, как бог создал первого человека; он видел, как Самсон потряс колонны храма и обрушил его на землю; он видел смерть Цезаря; он рассказывал о жизни на небесах; он видел, как грешники терпят муки в раскаленных пучинах ада. Все это вставало перед вами, словно вы сами при том присутствовали и глядели собственными глазами, и вас невольно охватывал трепет. Он же, как видно, только лишь забавлялся. Видение ада – толпы детей, женщин, девушек, юношей, взрослых мужчин, стонущих в муках, моля о пощаде, – кто в силах взирать на это без слез? Он же оставался невозмутимым, словно глядел на игрушечных мышей, горящих в бенгальском огне.

Всякий раз, как он заговаривал о жизни людей на земле и об их поступках, даже самых великих и удивительных, мы испытывали словно неловкость, потому что по всему его тону было заметно, что он считает все, что касается рода людского, не заслуживающим никакого внимания. Можно было подумать, что речь идет просто о мухах. Один раз он сказал, что, хотя люди тупые, пошлые, невежественные, самонадеянные, больные, хилые и вообще ничтожные, убогие и никому не нужные существа, он все же испытывает к ним некоторый интерес. Он говорил без гнева, как о чем-то само собой разумеющемся, как если бы речь шла о навозе, о кирпичках, о чем-то неодоушевленном и совсем несущественном. Видно было, что он не хотел нас обидеть, но все же мысленно я укорил его в недостаточной деликатности.

– Деликатность! – сказал он. – Я говорю вам правду, а правда всегда деликатна. То, что вы называете деликатностью, – вздор. А вот и наш замок готов. Ну как он вам нравится?

Как мог он нам не понравиться! Глядеть на него было одно удовольствие. Он был так красив, так изящен и так удивительно продуман во всех деталях, вплоть до флажков, развевающихся на башнях. Сатана сказал, что теперь надо установить пушки у всех бойниц, расставить алебардчиков и построить конницу. Наши солдатики и лошадки никуда не годились: мы были еще неискусны в лепке и не сумели слепить их как следует. Сатана признался, что хуже он не встречал. Когда он оживил их прикосновением пальца, на них невозможно было без смеха смотреть. Ноги у солдат оказались разной длины, они шатались, валялись, как пьяные, и наконец растянулись ничком, не в силах подняться. Мы засмеялись, но это было горькое зрелище. Мы зарядили пушки землей, чтобы салютовать, но пушки тоже были негодными и взорвались при выстреле, и часть канониров была убита, а часть покалечена. Сатана сказал, что, если мы пожелаем, он устроит сейчас бурю и землетрясение, но тогда нам лучше отойти в сторону, чтобы не пострадать. Мы хотели забрать с собой и маленьких человечков, но он возразил, что этого делать не следует; они никому не нужны, а если понадобятся, мы слепим других.

Маленькая грозовая туча спустилась над замком, блеснула крохотная молния, грянул гром, задрожала земля, пронзительно засвистел ветер, зашумела буря, полил дождь, и маленький народец бросился искать убежища в замке. Туча становилась все чернее и чернее и почти уже скрыла от нас замок. Молнии, сверкая одна за другой, ударили в кровлю замка, и он запылал. Свирепые, красные языки пламени пробились сквозь темную тучу, и народ с воплями побежал прочь из замка. Но Сатана движением руки загнал их обратно, не обращая внимания на наши просьбы, мольбы и слезы. И вот, покрывая вой ветра и раскаты грома, раздался взрыв, взлетел на воздух пороховой погреб, земля расселась, пропасть поглотила развалины замка и сомкнулась вновь, похоронив все эти невинные жизни. Из пятисот маленьких человечков не осталось ни одного. Мы были потрясены до глубины души и не могли удержаться от слез.

– Не плачьте, – сказал Сатана, – они никому не нужны.

- Но они попадут теперь в ад!
- Ну и что же? Мы слепим других.

Растрогать его было нельзя. Как видно, он вовсе не знал, что такое жалость, и не мог нам сочувствовать. Он был отлично настроен и так весел, как будто устроил свадьбу, а не побоище. Ему хотелось, чтобы и у нас было такое же настроение, и с помощью своих чар он преуспел и в этом. И это не стоило ему большого труда, он делал с нами все, что хотел. Прошло пять минут, и мы плясали на этой могиле, а он наигрывал нам на странной певучей свирели, которую достал из кармана. Это была мелодия, какой мы никогда не слышали, – такая музыка бывает только на небесах; оттуда, с небес, он и принес ее нам. Наслаждение сводило нас с ума, мы не в силах были оторвать от него глаз и тянулись к нему всем сердцем, и наши немые взгляды были исполнены обожания. Эту пляску он тоже принес нам из горних сфер, и мы вкушали райское блаженство.

Потом он сказал, что ему пора уходить: у него важное дело. Для нас было невыносимо расстаться с ним, и мы, обняв его, стали просить, чтобы он остался. Наша просьба, как видно, обрадовала его; он согласился побыть с нами еще и предложил посидеть всем вместе и побеседовать. Он сказал, что, хотя Сатана его настоящее имя, ему не хотелось бы, чтобы оно стало известно всем; при посторонних мы должны называть его Филипп Траум. Это простое имя, оно не вызовет ни у кого удивления.

Имя было слишком будничным и ничтожным для такого создания, как он. Но раз он так захотел, мы не стали ему возражать. Его решение было для нас законом. Мы досыта нагляделись чудес в этот день, и я подумал, как славно будет рассказать обо всем виденном дома. Он заметил мою мысль и сказал:

– Нет, об этом будем знать только мы четверо. Впрочем, если тебе не терпится рассказать, попробуйся. А я позабочусь, чтобы язык твой не выдал тайны.

Досадно, но что ж тут поделаешь! Мы только вздохнули разок-другой про себя и продолжали беседу. Сатана по-прежнему отвечал нам на мысли, не дожидаясь вопросов, и мне казалось, что это самое поразительное из всего, что он делает. Он прервал тут мои размышления и сказал:

– Тебя это удивляет, на самом же деле ничего удивительного здесь нет. Я не ограничен в своих возможностях, подобно вам. Я не подвластен условиям человеческого существования. Мне вняты слабости человека потому, что я изучил их, но сам я от них свободен. Вы ощущаете мою плоть, касаясь меня, но она призрачна, как призрачно и мое платье. Я – дух. А вот к нам идет отец Питер.

Мы оглянулись. Никого не было.

– Он приближается. Скоро придет.

– Ты знаком с отцом Питером, Сатана?

– Нет.

– Пожалуйста, поговори с ним, когда он придет. Он умный и образованный человек, не то что мы трое. Ему будет приятно с тобой побеседовать. Пожалуйста!

– В другой раз. Мне пора уходить. А вот и он, теперь вы все видите. Сидите спокойно – ни слова.

Мы оглянулись, отец Питер шел к нам из каштановой рощи. Мы сидели втроем на траве, а Сатана напротив нас на тропинке. Отец Питер шел медленным шагом, понутив голову. Не дойдя до нас нескольких ярдов, он остановился, словно намереваясь заговорить с нами, снял шляпу, вынул фуляровый платок из кармана и стал вытирать лоб. Постояв так, он тихо сказал, как бы обращаясь к себе:

– Не знаю, что меня сюда привело. Всего минуту тому назад я сидел у себя дома. А теперь мне вдруг кажется, будто я проспал целый час и пришел сюда во сне, не замечая дороги. Так тревожно на душе эти дни. Я словно сам не свой.

Он двинулся дальше, продолжая что-то шептать, и прошел сквозь Сатану, как через пустое место. Мы просто остолбенели. Хотелось крикнуть, как это бывает, когда случается что-то совсем неожиданное, но крик непонятным образом замер у нас в горле, и мы сидели безгласные, тяжело переводя дыхание. Как только отец Питер скрылся в лесу, Сатана сказал:

– Ну что, убедились вы теперь, что я дух?

– Да, так оно, наверно, и есть... – сказал Николаус. – Но мы ведь не духи. Понятно, что он не увидел тебя, но как это он не увидел и нас? Он глядел нам прямо в лицо и словно не замечал.

– Да, я сделал вас тоже невидимыми.

С трудом верилось, что это не сон, что мы участники всех этих поразительных необычайных событий. А он сидел рядом с самым непринужденным видом, такой естественный, простой, обаятельный, и вел с нами беседу. Трудно передать словами владевшие нами чувства. Это был, наверно, восторг, а восторг не укладывается в слова. Восторг – как музыка. Попробуйте передать другому свои впечатления от музыки так, чтобы он ими проникся. Сатана снова стал вспоминать давние времена, и они вставали перед нами словно живые. Он видел многое, очень многое. Мы глядели втроем на него и пытались представить себе, каково быть таким, как он, и нести на себе этот груз воспоминаний. Человеческое существование казалось теперь нам уныло-будничным, а сам человек – однодневкой, вся жизнь которой укладывается в единственный день, быстротекущий и жалкий. Сатана не старался щадить наше уязвленное самолюбие. Он говорил о людях все тем же бесстрастным тоном, как говорят о кирпичях или навозной куче; было видно, что люди не интересуют его нисколько, ни с положительной, ни с отрицательной стороны. Он не хотел нас обидеть, был, вероятно, далек от этого. Когда вы говорите: кирпич плох, вы не задумываетесь о том, оскорблен ли кирпич вашим суждением. Чувствует ли кирпич? Вам не приходилось думать об этом?

Раз, когда он швырял величайших монархов, завоевателей, поэтов, пророков, мошенников и пиратов – всех в одну грудку, как швыряют кирпич, я не выдержал посрамления человечества и спросил, почему, собственно, ему кажется, что так велика разница между ним и людьми. Он был сперва озадачен, он не сразу сумел понять, как мог я задать такой странный вопрос. Потом он сказал:

– Какая разница между мной и человеком? Какая разница между смертностью и бессмертием, между пролетающим облаком и вечно живущим духом?

Он поднял травяную тлю и посадил ее на кусок коры.

– Какая разница между этим созданием и Юлием Цезарем?

Я сказал:

– Нельзя сравнивать то, что несравнимо ни по масштабу, ни по своей природе.

– Ты сам ответил на свой вопрос, – сказал он. – Сейчас я все поясню. Человек создан из грязи, я видел, как он был создан. Я не создан из грязи. Человек – это собрание болезней, вместилище нечистот. Он рожден сегодня, чтобы исчезнуть завтра. Он начинает свое существование как грязь и кончает как вонь. Я же принадлежу к аристократии Вечных существ. Кроме того, человек наделен Нравственным чувством? Ты понимаешь, что это значит? Он наделен Нравственным чувством! Довольно этого одного, чтобы оценить разницу между мною и им.

Он замолчал, как бы исчерпав тему. Я был огорчен. Хотя в то время я имел очень смутное представление о том, что такое Нравственное чувство, я тем не менее знал, что, имея его, следует этим гордиться, и меня задела ирония Сатаны. Так, должно быть, огорчается вырядившаяся молодая франтиха, когда слышит, как люди смеются над ее любимым нарядом, а она-то считала, что все от него без ума! Наступило молчание, мне было грустно. Помолчав, Сатана заговорил о другом, и скоро его живая, остроумная, брызжущая весельем беседа вновь захватила меня. Он нарисовал несколько уморительно смешных сцен. Он рассказал, как Самсон привязал горящие факелы к хвостам диких лисиц и пустил их на поля филистимлян, как Самсон сидел на плетне, хлопал себя по ляжкам и хохотал до слез, а под конец свалился от

смеха на землю. Вспоминая это, Сатана сам рассмеялся, а следом за ним и мы трое дружно принялись хохотать.

Немного погодя он сказал:

– Теперь мне пора уходить, у меня неотложное дело.

– Не уходи! – закричали мы хором. – Ты уйдешь и не вернешься назад.

– Я вернусь, я даю вам слово.

– Когда? Сегодня же вечером? Скажи – когда?

– Скоро. Я вас не обманываю.

– Мы любим тебя.

– И я вас люблю. И на прощание покажу вам забавную штуку. Обычно, уходя, я просто исчезаю из глаз. А сейчас я неспешно растаю в воздухе, и вы это увидите.

Он поднялся на ноги и тотчас стал быстро меняться у нас на глазах. Его тело словно таяло, пока он не сделался вовсе прозрачным, как мыльный пузырь, сохраняя при этом свой прежний облик и очертания. Сквозь него были видны теперь окружающие кусты, и весь он переливался и сверкал радужным блеском и отражал на своей поверхности тот рисунок наподобие оконного переплета, который мы наблюдаем на поверхности мыльного пузыря. Вам, наверно, не раз приходилось видеть, как пузырь катится по полу и, прежде чем лопнуть, легко подскакивает кверху раз или два. С ним было то же. Он подскочил, коснулся травы, покатился, взлетел кверху, коснулся травы еще раз, еще, потом лопнул – пухф! – и ничего не осталось.

Это было красивое, удивительное зрелище. Мы молчали и продолжали, как прежде, сидеть, шурясь, раздумывая и мечтая. Потом Сеппи встал и сказал нам с печальным вздохом:

– Наверно, ничего этого не было.

И Николаус вздохнул и сказал что-то в том же роде.

Мне было грустно, та же мысль беспокоила и меня. Тут мы увидели отца Питера, который возвращался назад по тропинке. Он шел согнувшись и что-то искал в траве. Поравнявшись с нами, он поднял голову, увидел нас и спросил:

– Вы давно здесь, мальчики?

– Недавно, отец Питер.

– Значит, вы шли за мной и, быть может, поможете мне. Вы шли тропинкой?

– Да, отец Питер.

– Вот и отлично. Я тоже шел этой тропинкой. Я потерял кошелек. Почти что пустой, да не в этом дело: в нем все, что у меня есть. Вы не видели кошелька?

– Нет, отец Питер, но мы вам поможем искать его.

– Об этом я и хотел вас просить. Да вот он лежит!

В самом деле! Кошелек лежал на том самом месте, где стоял Сатана, когда начал таять у нас на глазах, – если, конечно, все это не было сном. Отец Питер поднял кошелек, и на лице его выразилось недоумение.

– Кошелек-то мой, – сказал он, – а содержимое – нет. Мой кошелек был тощий, а этот – полный. Мой кошелек был легкий, а этот – тяжелый.

Отец Питер открыл кошелек и показал его нам: он был туго набит золотыми монетами. Мы смотрели во все глаза, потому что никогда не видели столько денег сразу. Мы раскрыли рты, чтобы сказать: это дело рук Сатаны, – но ничего не сказали. Так вот оно что! Когда Сатана не хотел, мы просто не могли вымолвить ни единого слова. Он нас предупреждал.

– Мальчики, это ваших рук дело?

Мы засмеялись, и отец Питер тоже, поняв всю нелепость того, что сказал.

– Здесь был кто-нибудь?

Мы снова раскрыли рты, чтобы ответить, но ничего не сказали. Сказать, что никого не было, мы не могли, это было бы ложью, а другого ответа не находилось. Мне вдруг пришла на ум верная мысль, и я сказал:

– Здесь не было ни единого человека.

– Да, это так, – подтвердили мои товарищи, стоявшие оба разинув рты.

– Все не так, – возразил отец Питер и строго на нас посмотрел. – Правда, здесь было пусто, когда я проходил, но это еще ничего не значит. С тех пор кто-то здесь побывал. Человек этот мог, конечно, вас обогнать, и я вовсе не утверждаю, что вы его видели. Но то, что здесь кто-то прошел, – несомненно. Дайте мне честное слово, что вы никого не видели.

– Ни единого человека.

– Ну хорошо, я вам верю.

Он присел и стал считать деньги. Мы опустились рядом с ним на колени и принялись раскладывать золотые монетки на маленькие равные кучки.

– Тысяча сто дукатов с лишним! – сказал отец Питер. – О боже, если бы мне эти деньги! Я так нуждаюсь!

Губы его задрожали, голос пресекался.

– Сэр, это ваши деньги, – закричали мы хором. – До последнего геллера.

– Увы, здесь моих только четыре дуката. А остальное...

Бедный старик принялся размышлять, поглаживая монеты в руках, и вскоре забылся в думках. Он сидел на корточках, с непокрытой седой головой, на него было больно глядеть.

– Нет! – сказал он, как бы очнувшись. – Деньги чужие, и я не могу ими пользоваться. Быть может, это ловушка. Какой-нибудь враг...

Николаус сказал:

– Отец Питер, если не считать астролога, у вас и у Маргет не найдется врага во всей нашей деревне. А если бы и нашелся такой, неужели он бы пожертвовал тысячу сто дукатов только лишь для того, чтобы сыграть с вами злую шутку? Подумайте-ка об этом!

Отец Питер не мог не признать, что Николаус привел здравый довод, и немножко приободрился.

– Даже если ты прав, деньги-то все равно не мои.

Он сказал это слабым голосом, словно был бы доволен, если бы мы привели ему какое-нибудь возражение.

– Они ваши, отец Питер, все мы свидетели. Правда, ребята?

– Конечно, все мы свидетели! Так мы и скажем.

– Благослови вас господь, мальчики, вы почти меня убедили. Сотня дукатов спасла бы меня. Дом мой заложен, и если к завтраму мы не уплатим долга, нам негде будет приклонить голову. Но у меня всего четыре дуката...

– Деньги ваши до последней монеты. Возьмите их, отец Питер. Мы поручимся, что деньги ваши. Не так ли, Сеппи? И ты, Теодор?

Мы поддержали Николауса, и он набил ветхий кошель золотыми монетами и вручил его старику. Отец Питер сказал, что он возьмет себе двести дукатов – его дом стоит того, и послужит надежным залогом, – а остальное отдаст под проценты, пока не разыщется настоящий владелец. Нас же он позже попросит подписать свидетельство в том, как деньги нашлись, чтобы никто не подумал, что он спасся от своей неминуемой беды бесчестным путем.

Глава IV

В деревне было немало шума, когда на другое утро отец Питер уплатил свой долг Соломону Айзексу золотыми монетами, а остаток денег поместил у него под проценты. Наблюдались также другие приятные перемены: многие из деревенских жителей посетили отца Питера, чтобы поздравить его, некоторые из его бывших друзей вновь обрели с ним дружбу, а в довершение всего Маргет получила приглашение на танцы.

Отец Питер не делал тайны из своей находки. Он рассказывал все подробно, каким путем получил свои деньги, и добавлял, что не знает, как объяснить случившееся: разве только это рука провидения.

Были слушатели, которые покачивали головами, а потом толковали между собой, что это больше походит на фокусы Сатаны (нельзя не признать, что эти темные люди проявили на этот раз изрядную проницательность). Были еще и такие, что старались всякими хитроумными способами выведать у нас у троих «настоящую правду». Они говорили, что ищут ее не из каких-нибудь тайных видов, а просто так, интереса ради, и клялись молчать. Они даже сулили заплатить нам за нашу тайну; и если бы мы сумели придумать какую-нибудь небывлицу, то, пожалуй, и согласились бы, но ничего почему-то не шло в голову, и мы не без тайной досады должны были отказаться от соблазнительной сделки.

Эту тайну мы держали при себе без особых мук, но другая тайна, великая и ослепительная, жгла нас словно огнем. Она так и просилась наружу. Нам ужасно хотелось ее разгласить и поразить всех своим рассказом. Но мы вынуждены были хранить свою тайну, а вернее, она сама хранила себя, как предсказал Сатана.

Каждое утро мы уходили и уединялись в лесу, чтобы потолковать о Сатане. По правде сказать, ничто нас больше не занимало, и ни о ком больше мы не желали думать. День и ночь мы высматривали его, ждали, придет ли он, и нетерпение наше все возрастало. Прежние друзья утратили для нас интерес, мы не могли больше участвовать в их играх и в их забавах. По сравнению с Сатаной они были такие скучные. Какими пресными и унылыми казались нам их речи, их интересы рядом с его рассказами о древних временах и отдаленных созвездиях, с его чудесами, с его таинственными исчезновениями!

В тот день, когда отец Питер нашел эти деньги, нас сильно заботила одна тайная мысль, и мы то и дело под разными предлогами наведывались к священнику, чтобы проверить, как там дела. Мы боялись, что золотые монеты вдруг обратятся в прах, как это обычно бывает с деньгами, полученными волшебной силой. Но ничего худого не приключилось. Пришел вечер – все было в порядке, и мы успокоились. Это было настоящее золото.

У нас был еще один важный вопрос к отцу Питеру, и на второй вечер мы трое пошли к нему, предварительно бросив жребий, кто будет держать речь, потому что этот вопрос нас сильно смущал. Напустив на себя равнодушный вид, но не поборов все же внутреннего смущения, я спросил:

– Что такое Нравственное чувство, сэр?

Он удивленно взглянул на меня поверх своих больших очков.

– Это то, что позволяет нам отличать добро от зла.

Ответ отца Питера не устранил наших недоумений. Я был озадачен и отчасти разочарован. Он ждал, что скажу я еще, и я, не зная, как быть, спросил:

– А к чему оно нам, сэр?

– К чему оно нам? Боже милостивый! Нравственное чувство, дружок, это то, что возвышает нас над бессловесными тварями и дает нам надежду на будущее спасение.

Я не знал, что еще сказать, и мы попрощались и вышли из дома священника со странным чувством, словно мы ели, наелись досыта, но не утолили голода. Мои друзья хотели, чтобы я

разъяснил им слова отца Питера, но я почувствовал вдруг утомление и ничего не сумел им сказать.

Когда мы проходили через гостиную, то увидели, что Маргет играет на клавикордах со своей ученицей Мари Люгер, и это значило, что к Маргет вернутся и все остальные ученики. Маргет вскочила и со слезами принялась благодарить нас за то, что мы спасли от беды ее и ее дядю, а мы ей сказали, что мы тут совсем ни при чем. Это был уже третий раз, что она нас благодарила. Уж такая была она девушка: если кто-нибудь сделает для нее хоть какую-нибудь безделицу, она будет век благодарна. Мы не мешали ей выражать свои чувства. В саду мы встретили Вильгельма Мейдлинга. Близился вечер, и он пришел пригласить Маргет прогуляться с ним у реки, когда она кончит урок. Мейдлинг был молодой адвокат, он пользовался популярностью у нас в городке, дела его шли потихоньку, но все же успешно. Он и Маргет с детства любили друг друга, и Мейдлинг не покинул в беде священника, как это сделали все другие, а был в это время с ним. Маргет и отец Питер оценили верность молодого юриста. Он не обладал выдающимся дарованием, но был приветливым добрым малым, а это тоже немалый талант и помогает всем в жизни. Вильгельм Мейдлинг спросил нас, скоро ли окончится у Маргет урок, и мы сказали, что он уже близок к концу. Может быть, это было так, а может быть, и не так. Мы знали, что он с нетерпением ждет окончания урока, и нам хотелось его порадовать.

Глава V

На четвертый день после всех этих событий астролог вышел из своей полуразрушенной башни и, направляясь в деревню, как видно, узнал о случившемся. Он отозвал нас в сторону, и мы рассказали ему все, что было возможно, – так как ужасно боялись его. Он погрузился в раздумье и думал долго. Потом спросил:

– Сколько денег было в кошельке?

– Тысяча сто семь дукатов, сэр.

Тогда он сказал, словно вслух размышляя:

– Странная история... Оч-чень странная. Удивительное совпадение. – И стал нас снова расспрашивать и заставил еще раз все рассказать до конца. Потом он сказал:

– Тысяча сто шесть дукатов. Немалые деньги.

– Тысяча сто семь, – поправил его Сеппи.

– Сто семь, говоришь? Дукатом больше, дукатом меньше – не имеет значения. Но сперва ты сказал – тысяча сто шесть.

Мы знали, что он не прав, но опасались противоречить ему. Наконец Николаус сказал:

– Если мы ошиблись, то извините нас, но там было ровно тысяча сто семь дукатов.

– Пусть это тебя не тревожит, друг мой. Я только хотел отметить, что ты и твои друзья в этом путаетесь. Да и не удивительно, прошло уже несколько дней, от вас нельзя теперь требовать точности. Когда нет особых примет, чтобы твердо запомнить счет, память часто нам изменяет.

– Такие приметы были, сэр! – возразил ему быстро Сеппи.

– Какие же, сын мой? – спросил астролог безразличным тоном.

– Мы считали монеты по очереди, и у всех получалось тысяча сто шесть дукатов, потому что одну монету я спрятал. А когда пришла моя очередь, я положил ее снова и сказал: «Вы ошиблись, здесь тысяча сто семь. Пересчитайте». Они посчитали еще раз и удивились. Тогда я сказал им, что спрятал монету.

Астролог спросил у нас, как было дело, и мы подтвердили рассказ Сеппи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.